

Через сто лет молчания

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

Все начиналось с фотографии. В Еманжелинскую сельскую библиотеку однажды пришла бывшая жительница нашего села, а сейчас горожанка, Нина Михайловна Мохирева (Гневышева). Она принесла старую выцветшую фотокарточку, где ее отец Михаил Ефимович Гневышев снят со своими однополчанами в годы Первой мировой войны. Было это еще в 2006-м, а расследование по следам снимка продолжается и сегодня.

Родители Нины Михайловны — коренные еманжелинцы из казачьего сословия, но о их прошлом женщина узнала только в начале 70-х годов XX века незадолго до смерти матери, Татьяны Ивановны Гневышевой. Мама показала ей документ, который более 50 лет пролежал зарытым в саду. Снимок все же сохранился, так как был тщательно завернут и вложен в коробку. Вдова, конечно, узнала на фотографии покойного мужа, а также назвала одного из его однополчан — Илью Христофоровича Блюденова. Име-

на других она вспомнить не смогла, добавила только, что сфотографировались накануне отправки на фронт.

Сам Михаил Ефимович родился в 1881 году. Во всяком случае, так следует из справки районного архива, возможно, он был и старше. На фотографии хорошо виден солдатский Георгиевский крест на его

▼ Гневышев и Блюденов — второй и третий слева в первом ряду

груди. Награда, скорее всего, получена еще в Русско-японскую. Известно, что в боях 1904-1905 годов участвовали многие еманжелинские казаки, а Михаил Ефимович в то время был уже опытным военным.

Фотография заметно повреждена, однако часть деталей можно разглядеть. На казачьих погонах читается число «24». Исследователи утверждают, что так обозначался номер полка. Цифры позволяют уточнить время, когда был сделан снимок. По сведениям историка Оренбургского казачьего войска А. П. Абрамовского, в мирное время действовали только регулярные полки. В перечне казачьих частей на 1914 год 18 таких подразделений. В случае войны формировались Сводные (сборные) полки, которые получали следующие порядковые номера. 24-й Конный полк, таким образом, должен был созываться в 1915 году. Однако на фронтах в 1915-1917 гг. сражались также особые конные сотни. Была и 24-я. Она участвовала в Брусиловском прорыве.

О боевом пути Михаила Ефимовича его дочь не знает. В годы войны рядовым он не был, а его чин установить пока не удалось. Зато можно проследить историю 24 полка, к которому предположительно и был причислен Гневашев. В 1917 году казаки полка самовольно покинули фронт и вернулись в Троицк. Здесь их мобилизовал атаман Дутов.

Возможно, кто-то встал под его знамена добровольно, но большинство устало от войны и революционных беспорядков.

Люди мечтали вернуться домой и жить мирно. 24-й полк у Дутова и Колчака числился в неблагонадежных. Генерал Н. С. Анисимов в 1919 году докладывал в штаб адмирала Колчака: «На Оренбургском фронте разбежалось четыре казачьих полка полностью». В их числе был и 24-й.

Михаил Ефимович тоже вернулся в родную станицу. Но покоя он там не нашел: смерть первой жены, раскулачивание, от которого Гневашева спас только добровольный отказ от всего имущества, арест и гибель двух сыновей в годы репрессий, Великая Отечественная, переезд из родного дома на улице Зеленой — многоеместили 30 лет Советской власти.

Умер казак, фронтовик, Георгиевский кавалер, рабочий геоло-

► Гневашев Николай Егорович

горазведки М. Е. Гневашев 5 марта 1947 года на Батурином разрезе.

Однако вопросы остались. Кто те люди, которые отправились на войну вместе с Михаилом Ефимовичем? Какое участие еманжелинцы принимали в событиях 1914-1917 гг., ведь к началу XX века Оренбургское казачье войско было третьим по численности в России, уступая лишь Донскому и Кубанскому? Естественно, что и на фронтах сражалось немало оренбуржцев.

То, как восприняли местные жители начало войны, можно представить по фотографии из Еткульской станицы. На панорамном снимке центральная площадь, по всему периметру заполненная народом. У церкви духовенство, атаманы, офицеры. Идет молебен с просьбой даровать победу доблестным русским войскам.

Что-то подобное, наверное, было и в Еманжелинке. Но сначала сюда прискакал казачонок со «сплохом» — красным тревожным флагом. О подобном известии поется в старинной песне:

*С красным флагом повестили
Боевым два дня собрать.
Но куда нас формируют,
Нам никто не мог сказать.*

*Плачут братья мои, сестры,
Плачут матери, отцы.
Не того казак боится,
Что идет он на войну.*

*Окруженный он детьми,
Жаль несчастную жену.
Может быть, на поле брани
Мы померем за крест святой.*

*А ты, маменька родная,
Помолись за упокой.*

С июля 1914 года началась мобилизация, на хозяйстве остались старики, подростки и женщины. Казаки второй очереди Еткульского станичного юрта, в том числе и еманжелинцы, сражались в составе 11-го казачьего полка под командованием полковника Куторожина, а также в 12-м полку. Казаки третьей очереди призывались в 17-й, 18-й и в Сводные Оренбургские полки. Насколько масштабным был призыв можно судить по именным спискам казаков-участников войны, опубликованным в интер-

нете. Только по Коелгинской (Коельской) станице в списке почти 200 человек.

1914-1915 гг. — время патриотического подъема. В тылу шел сбор средств для фронта. Сдавали деньги, теплые вещи, богатые люди покупали оружие и снаряжение для малоимущих призывников. В Еманжелинке наградами за «вспомоществование» были отмечены члены «Попечительства по призрению семейств нижних чинов, призванных по мобилизации» Семен Кораблев и Михаил Батурин.

Оба получили серебряную нагрудную медаль «За усердие» на Станиславской ленте. Александра Вениаминовна Никольская, учительница мужской станичной школы, была отмечена золотой медалью на Анненской ленте. Первую, серебряную, ей вручили еще до войны — как награду за выслугу лет.

Какие средства собрали еманжелинцы, неизвестно. Вероятно, меньше, чем жители Коельской (Коелгинской) станицы. Вклад последних был особо выделен тогдашним начальством. Однако во всех станицах Еткульского юрта статистики к началу войны зафиксировали интенсивное развитие сельского хозяйства: приобретение техники, открытие первых перерабатывающих предприятий и даже появление сельхозартелей и обществ, то есть кооперации. Цепкая память

старожилы Еманжелинских сохранили имя казака Якова Чернышова, который выписывал литературу по растениеводству и животноводству, ездил куда-то на запад страны за породистым скотом, проводил агрономические опыты. В Таяндах был свой авторитет — Агей Логинович Турковский, хозяин 120 десятин пахотной земли и 28 лошадей. Он сеял сортовую траву, разводил племенных быков.

Но даже такая продовольственная база не спасала казачьи станицы да и весь Урал от нехватки продуктов. Дефицит рабочих рук, поставки в армию, спекуляция — все это привело к существенному снижению уровня жизни.

Году в пятнадцатом или шестнадцатом на нескольких еманжелинских казаков были наложены взыскания за самогонварение: во-первых, нарушали сухой закон, во-вторых, переводили на дурь драгоценное зерно. А при станичном правлении была создана, говоря современным языком, специальная комиссия. В ее задачи входил контроль цен на пшеницу, мясо, фураж и т. д.

Власти поощряли привлечение к сельскохозяйственным работам многочисленных беженцев из Белоруссии и Украины, а также разрешали использовать труд военнопленных. Старики еще недавно рассказывали, что бывшие солдаты из Австро-Венгрии по несколько лет жили в Коелге и Таяндах.

На фронтах тоже было нелегко. Вероятно, находились и дезертиры, и трусы, однако на страницах архивных документов и научных трудов сохранились совсем другие имена.

Гордость Еткульского станичного юрта — полные Георгиевские кавалеры. Среди них двое еманжелинцев. Это Василий Егорович Гладышев — старший урядник 4-й сотни 11-го Оренбургского казачьего полка, отмеченный также медалями «За боевые отличия», «За усердие» и произведением в прапорщики, и подхорунжий Александр Мальнев. Отличились и коелгинцы. Полные Георгиев-

ские кавалеры Коельской станицы: прапорщик Юлиан Носонов, старший урядник Владимир Косарев, младший урядник Николай Казанцев, подхорунжий Василий Петрович Первухин, старший урядник Андрей Шапин. По четыре Георгиевских креста заслужили уроженцы Еткуля: Иван Петрович Квашнин, Иван Александрович Печенкин, Григорий Иванович Уварин, Калистрат Устьянцев.

В наградных документах Егора Ивановича Чернева из Каратабана есть описание одного из боев: «22 июля 1915 г. во время конной атаки у деревни Заболотцы после ранения командира сотни, когда в сотне произошло некоторое замешательство, под перекрестным ружейным и пулеметным огнем принял командование над сотней и, действуя с необычайной энергией и подавая пример отличной храбрости, восстановил полный порядок и довел ее до удара холодным оружием». За этот бой Чернев получил третий из четырех крестов.

До самого высокого звания дослужился уроженец Еманжелинской станицы Василий Михайлович Печенкин. 5 июня 1920 года он был расстрелян в чине генерал-майора. Хотя путь, который он проделал до этого, обещал совсем другую судьбу.

Герой Русско-японской войны, к 1914 году он занимал тыловые должности: исполняющий обязанности председателя полкового суда и атамана 2-го военного округа. Однако с началом боевых действий Печенкин отправился на фронт. Был дважды ранен, но оставался в строю до тех пор, пока не перебил ногу.

До Гражданской войны служил в Киеве, затем вернулся на Урал, участвовал в Белом движении, в том числе и в Сибирском Ледяном походе. Был арестован и осужден Омским ЧК.

К сожалению, даже имена самых заслуженных фронтовиков почти на сто лет были вычеркнуты из истории. Служба в царской армии в число заслуг в советское время не входила. Ее не вспоминал и сотник Иван Ильич Турковский из Таяндов, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени. После революции он перешел на сторону Советской власти, но никогда и никому

не рассказывал о своих дореволюционных медалях. Что уж говорить о еткульчанине Иосифе Алексеевиче Болотове, который был расстрелян по делу «Голубой армии», мощного повстанческого отряда южноуральских казаков.

Сейчас, когда стали доступны архивы, появились сайты, посвященные «Забывтой войне», списки героев Первой мировой постепенно восстанавливаются. В наградных документах и в перечне офицеров Оренбургского казачьего войска встречаются фамилии еманжелинцев. Это Илья и Петр Агарковы, Василий, Иван, Михаил и Николай Батурины, Павел и Сергей Блюденковы, Осип и Тихон Брагины. Каратабанцы: награжденный двумя Георгиевскими крестами Никанор Иванович Петров, Иван Александрович Сухоруков, Михаил Васильевич Шеин, Александр Михайлович Шундеев. Коелгинцы Петр Иванович Свияжин, Иван Григорьевич Рукавишников; селезянец Михаил Кузьмич Речкалов; таяндинец прапорщик Петр Попов, который уже в годы Гражданской возглавил в своем поселке отряд самообороны от большевиков.

И много еткульчан: Иван Александрович, Михаил Анатольевич и Федор Анатольевич Печенкины, Илларион Георгиевич Потапов, Георгий Васильевич Марков, Михаил Петрович Рукавицын, Александр Николаевич Ситников, Александр Степанович Сухоруков.

Где-то в этом перечне, наверное, можно найти имя и моего двоюродного деда, казака из Звягинской станицы Николая Егоровича Гневышева, погибшего на Русско-немецкой. Впрочем, стоит вернуться к другому Гневышеву, тому, что остался на групповом снимке.

Может быть, в скучном перечислении уже мелькнули фамилии его однополчан и товарищей. Просто их портретов не сохранилось и не с чем сравнить оставшееся изображение. А, может, их еще предстоит найти. В любом случае старая фотография оказалась настоящим кладом. Недаром столько лежала в земле!

С нее в нашем селе началось восстановление событий вековой давности, оказавшихся в тени Гражданской, погребенных под идеологическими запретами, но вернувшихся к нам в семейных реликвиях и человеческой памяти. **УС**

Торжественное богослужение в Еткуле